

© 1995 г. С.И. ИОРДАНИДИ, В.Б. КРЫСЬКО

**ДРЕВНЕРУССКИЕ ИННОВАЦИИ ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ
ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ. II***

После того как мы критически рассмотрели фигурирующие в научной литературе примеры унификации косвенных падежей множественного числа и дополнили имеющиеся списки новыми материалами, перед нами встает задача теоретического осмысления этих данных. Представляется целесообразным исследовать историю распространения инновационных форм в трех аспектах – в зависимости от падежа и типа склонения, от рода и семантики существительных и от жанра и географической приуроченности соответствующих текстов.

1. Как явствует из материала, приведенного в первой части настоящей статьи, наиболее ранние и наиболее многочисленные примеры инновационных окончаний приходятся на ДП: 6 фиксаций из 7 в XIII в. и 45 из 68 в XIV в. Даже если учесть естественную частотность датива как падежа косвенного объекта [Молчанова 1969б: 114–115], нельзя не признать, что относительная употребительность флексии *-ам* едва ли обусловлена только нередким использованием указанной формы. Обращает на себя внимание, в частности, тот факт, что в Прологе 1313 г. ДП *гробницамъ* 5б представлен рядом с двумя локативными формами *въ гробницехъ* 5б, 5г, а в Нибуровом мире 1392 г. семь новых форм ДП противостоят лишь трем старым, тогда как ТП *велневицами* фигурирует на фоне четырех примеров с окончанием *-и* (ср. также [Ягич 1889: 117]). Заслуживает упоминания и то обстоятельство, что среди 17 примеров с МП на *-ах* десять приходятся на имена **jo*-основ типа *сборищахъ*, *распутъахъ*, *мрътвъахъ*, *Гремича(х)*. В ДП подобного предпочтения какого-либо словоизменительного типа не наблюдается (ср. [Молчанова 1969б: 112–113]): уже с XIII в. практически параллельно фиксируются инновационные формы **o*-основ (*жидамъ*, *мѣстамъ*, *смердамъ*, *книжникамъ* и др. – всего 20 примеров), исконного согласного склонения, унифицировавшегося к этому времени в косвенных падежах с **o*-склонением (*жгоуптамамъ*, *бережанамъ*, *лубцанамъ* и т.п. – 10 примеров), и **jo*-основ (*матигорыцамъ*, *безаконитамъ*, *людгоицицамъ*, *стоуденцамъ* и т.д. – 21 пример). Отсутствие сколько-нибудь заметного преобладания образований на *-ане* над прочими существительными служит дополнительным аргументом против тезиса о преимущественном развитии новых окончаний именно в этой группе имен [Марков 1974 : 104] (ср. [Молчанова 1969б : 117]).

Думается, что разгадку предпочтительного употребления флексии *-ам* в ДП следует искать в морфонологии. Из трех косвенных падежей, подвергшихся в позднедревнерусский период междеклинационному выравниванию, лишь в ДП флексии разных склонений и разновидностей склонения различались только и исключительно гласными ⟨а⟩ и ⟨о⟩, ср.: *женѣм* – *плодомъ* – *конѣм* (фонологически ⟨н'о⟩) – *сыномъ* – *гостѣм*; в МП сохранялось различие *-ах/-ѣх/-их/-ох* (*-ех*) (ср. в ЛН формы *въ домѣхъ*, *людѣхъ*, *въ ботарѣхъ*, *на городищанохъ* [Дыбо 1988 : 83–95]); в ТП флексии **ā-* и **o-*

* Первую часть статьи см.: ВЯ. 1995. № 4.

склонений вообще не совпадали (*женами* – *плоды, кони*)¹. Кроме того, по отдельным падежам существенно варьировался конечный согласный основы: если в ДП он был твердым как в **ā*-, так и в **o*-склонениях, то в МП **o*-основы, в противоположность **ā*-склонению, имели палатализованный согласный (*женах* – но *плодѣх*, ср. [Молчанова 1965; 1969а : 140]).

В свете сказанного неудивительно, что наиболее активно в письменности XIII–XIV вв. старая флексия вытеснялась в формах ДП: очевидно, для пишущих замена *-ом* на *-ам*, укладывающаяся в рамки обычного чередования ⟨а⟩/⟨о⟩, представлялась более допустимой, чем замена, например, *-ѣх* на *-ах* или, тем более, *-ы* на *-ами* (ср. высказывание И.В. Ягича: "...переход из *о* в *а* вообще самый близкий" [Ягич 1889 : 116]).

Этому выводу едва ли противоречит древнейший пример инновационной формы МП – на *церевахѣ* (вместо *черевѣхѣ*), засвидетельствованный одновременно с новообразованиями на *-ам*. Реализуя общий импульс к унификации форм, объединенных одинаковыми финалями (*-м* и *-х*), МП, однако, усваивал флексию *-ах* гораздо медленнее, чем ДП – флексию *-ам*: в то время как новгородские берестяные грамоты XIV в. демонстрируют для ДП только новое окончание (*каѣнецамо*, *ко десѣсѣцамо*, *к новгородцамо*), в МП форма *церевахѣ* в течение всего рассматриваемого периода остается изолированной (ср.: на *мѣсѣхѣ* ГрБ № 575, втор. пол. XIII в.; на *жѣлезехѣ* 750, нач. XIV в.; во *проторѣхѣ* 366, втор. пол. XIV в.; в *недоборехѣ* (bis) 463, XIV/XV вв.; [т]орокехѣ 521, XIV/XV вв.². Но если даже в диалектной речи Новгорода замена исконного **o*-основного окончания *-ѣх* **ā*-основным *-ах* встречала столь значительное сопротивление, то в книжном языке, и особенно в памятниках традиционного содержания, более или менее активное отражение данного процесса, первоначально даже в виде *lapsus calami*, случайных обмолвок, должно было максимально зависеть от степени противопоставленности новых форм традиционным. Именно поэтому подавляющее большинство примеров МП на *-ах* в церковно-книжных текстах встречается после исконно мягких согласных – иначе говоря, в тех позициях, где проникновение нового окончания не приводило к изменению облика основы: *сборищихѣ* → *сборищахѣ*, *распутыхѣ* → *распутяхѣ*, *мрътьвѣщихѣ* → *мрътьвѣцахѣ*. В то же время появление форм *гѣлахѣ*, *верпахѣ*, *смердахѣ* и т.п. дает основание заключить, что ко второй половине XIV в. процесс зашел в народно-разговорном языке уже слишком далеко, чтобы оставаться исключительным достоянием речевой практики и деловых текстов. О том же свидетельствует и повторение формы *гробищахѣ* на соседних листах Пролога 1356 г.: если для одного случая можно допустить недосмотр писца, то повторение той же ошибки через несколько строк (как, впрочем, и на протяжении нескольких листов – ср. *сборищахѣ* и *сонмищахѣ* в Сийском евангелии) с несомненностью указывает, с одной стороны, на глубокую укорененность нового окончания в речи книжника, а с другой – на такую степень аномальности старой флексии с точки зрения его языкового сознания, какая уже не могла не привести к хотя бы спорадическим попыткам приблизить мертвую букву протографа к живому духу языка.

Иная ситуация складывалась в ТП, где, по словам Б. Унбегауна, "...переход от *-ы* к *-ами* был более радикальным и требовал более долгой адаптации..." [Unbegaun 1935 : 203]. Весьма показателен в данном отношении материал берестяных грамот, наиболее адекватно передающих состояние обиходной речи. Если в ДП и МП инновационные окончания появляются уже с конца XIII в. (более поздняя фиксация *-ам*

¹ Попытка Х. Андерсена усмотреть в ТП общий для всех склонений показатель *-(и)* [Andersen 1969 : 25] представляется весьма искусственной и формалистической; так как при этом остается неясным статус *-м*-, который едва ли может интерпретироваться как альтернант *-ѣ*:- *плод(ѣ-и)* – *жена(м-и)*.

² Ср. также данные Н.Ф. Молчановой, отметившей в новгородских пергаменных грамотах XIV в. только новые формы ДП и только старые формы МП и ТП [Молчанова 1971 : 30–31].

объясняется, скорее всего, отсутствием дативных форм в грамотах XIII – первой половины XIV в., см. [Янин, Зализняк 1986 : 140]: *хотынамо* ГрБ № 600, XII/XIII вв. – и далее только *каѡнецамо* 286, сер. XIV в.), то для ТП тексты демонстрируют с рубежа XII/XIII вв. до конца XIV в. только исконные флексии: *бѣбры* 600, *со изросты* 483 (втор. пол. XIII в.), *со намы* 57 (перв. пол. XIV в.). Таким образом, констатируя столетний интервал между распространением *-ам*, *-ах*, с одной стороны, и *-ами* – с другой, мы не можем не применить к истории ТП формулу: *post hoc et propter hoc*.

Важнейшей дополнительной причиной вытеснения старой формы ТП традиционно считается совпадение ее с вновь возникшей формой И–ВП (*плоды*); однако, как было показано в нашей статье [Иорданиди, Крысько 1993 : 20], омонимизация номинатива и аккузатива в живой восточнославянской речи осуществилась в XII в. – что, тем не менее, никак не отразилось в этот период на форме ТП. В древненовгородском диалекте данный фактор в **о*-склонении вообще не действовал, так как по крайней мере в XII в. здесь утвердились новые общие формы И–ВП, отличные от ТП, – *конѣ*, *столѣ* vs. *кони*, *столы*. О нерелевантности совпадения или несовпадения указанных трех форм для развития ТП на *-ами* говорит и то обстоятельство, что в склонении имен на *-ане* возникновение И–ВП на *-е* (вместо прежних форм ИП на *-е*, ВП на *-ы* при ТП на *-ы*), прекрасно иллюстрируемое фразой *а рушанъ скорбу про городищане* Ст. Р. 10, повлекло за собой развитие аналогического ТП на *-е*, засвидетельствованного формой *со вхи[ми] за[лѣ]шн[а]не* в ГрБ № 492 (втор. пол. XIV в., см. [Янин, Зализняк 1993 : 172]). Отражением новой омонимии И–В–ТП служат, по-видимому, и гиперкорректные формы ТП на *-ци*, воспроизводящие чуждый новгородской речи номинатив с эффектом второй палатализации и соответствующие диалектной форме И–ВП на *-ки* (*-кѣ*): *съ мытари* и *грѣшници* Евангелие XIV в., 84; *съ книжници* 167; ср. там же: *съ мытаре* и *грѣшники* 137 [Бандуров 1905 : 293].

Впрочем, стремление к обобщению форм И–ВП и ТП по образцу **о*-склонения характеризовало, вероятно, не только древненовгородский диалект – оно представлено и в тверском Троицком списке ГА: *съ инѣми цѣквными оучители* 398. С имен муж. рода эта тенденция распространилась на парадигму морфологических *feminina*: *оградивъ бо юго тремя стѣны* ГА, 142; с плавающими *брати* ГБ XIV, 128г; с своими *болары*, и *слуги* ЛЛ 1377, 150 об; с своими *слуги*, и с Половцы 151. Распространенность *-ы*-форм ТП как в **о*-склонении, так и (правда, в меньшей степени) в **а*-склонении, наблюдающаяся в деловой письменности вплоть до XVII в. [Шахматов 1957 : 282; Unbegaun 1935 : 201; Иорданиди 1991 : 52–53; Крысько 1994б: 120], позволяет рассматривать их не как факт гиперкоррекции, а как результат внутрипарадигмального обобщения падежных форм, не имеющего отношения к “*-а*-экспансии”, но связанного с формальной и функциональной близостью прямых падежей, с одной стороны, и ТП – с другой (ср. ИП и ТП субъекта, ВП и ТП объекта).

Необходимо подчеркнуть, что, говоря – в соответствии с традицией – о замене окончаний **о*-склонения флексиями **а*-склонения и, тем самым, изображая процесс устранения родовых различий во мн.ч. как однонаправленную унификацию, мы явно упрощаем ситуацию. В действительности дело обстояло сложнее. Уже с XI в. у существительных разных склонений изредка отмечаются флексии, исконно им не свойственные: *въ стр(с)тѣхъ... на ратѣхъ* Мин., 0163 (вместо обычного **i*-основного *-ыхъ*); *наоучена... таиномъ* 61 (по др. спискам – *таинамъ*); *слоужителя таиномъ* *държавьнамъ* *Хвамъ* 126; *въ вѣртѣхъ* 148 (правда, здесь *ь* вместо *ѣ* мог быть написан под влиянием двух предшествующих редуцированных); *иде къ старѣишиномъ* *жрьчьскамъ* ЕвМилит 1215, 1366 (РНБ, Ф. п. 1.7) [Шепелева 1972 : 8]; *причащатиса стѣхъ твоихъ* Служ XIII, 19 (РНБ, Соф. 519); *на виселицѣхъ повѣшаютъ(с)* КР 1284, 302в. В XIV в. подобные формы также встречаются, однако в условиях утверждения

окончаний *-ам, -ах* их трудно истолковать иначе, как гиперкоррекцию: лусиискамъ *поланомъ* "Елисейским полям" ГБ XIV, 152г; *въ дверцѣхъ* Пр 1383, 111г³. Впечатление ошибочной производит "одинокое стоящая" форма *на горохъ* ЛЛ 1377, 6 [Шахматов 1957 : 282]; впрочем, на фоне немногочисленных аналогичных образований в других славянских языках (ср.-болг. *въ водохъ* [Лавров 1893 : 181], словен. *personoh*, польск. *rekocho* [Orzechowska 1966 : 42, 47] она может быть интерпретирована по крайней мере как окказионализм.

С самого начала славянской письменной истории в памятниках наблюдается "неправильное" употребление родовых флексий во мн. ч. именных прилагательных и причастий: в формах, согласующихся с существительными мужского и среднего родов, спорадически появляются окончания **ā*-склонения, а в определениях, относящихся к *feminina*, – окончания **o*-склонения. Первые примеры таких "странных согласований" [Вайан 1952 : 196] предоставляет старославянский язык: в Супрасльской рукописи отмечены два сочетания – *оустомъ христосовамъ* Супр. 381, 26 [Вайан 1952 : 196], как будто не вызывающее сомнений, а также *исоусовами гвоздвини* 400, 28 – написание, которое, по мнению П. Дильса, "едва ли объяснимо и, очевидно, искажено" [Diels 1932 : 160]. Дело, однако, обстоит, на наш взгляд, не столь безнадежно. На неслучайность, неоспоримость последней конструкции с точки зрения позднейших переписчиков указывает ее сохранение в Успенском сборнике XII–XIII вв.: *имѣаше сии корабль. и котъкы желѣзны. нѣ ѿсовами гвоздиими изгорѣша* УСб, 199г. Прежде всего достаточно ясна форма *гвоздвини/гвоздиими*: это ТП существительного муж. рода *гвоздвини/гвозди* (см. [ССС : 168]); инновационная флексия *-ми* для ТП мн.ч. муж. рода **jo*-склонения в старославянском засвидетельствована и другими примерами: *оукронми* Ио. 11, 44 Асс., *зълодѣни* Супр. 92, 24 [Вайан 1952 : 112]. Вариант *гвозди* встречается в древнерусских текстах, хотя, к сожалению, в [СДРЯ. II : 316–317] он по ошибке дан в статье *гвоздь* вместе со словами *гвоздь* и *гвоздие*, ср.: *створи гвоздиѣ железны* ПрЛ XIII, 85г; *носаще ч(с)тныѣ гвоздиѣ* Пр 1383, 66а; *златыми же гво(з)ды пригвозди ѿ ЗЦ к. XIV, 54г* и др. Тот факт, что в контексте из Супр. и УСб рядом с формой ТП на *-ми* от **jo*-основного *masculinum* употреблена не исконная **o*-основная форма ТП именного прилагательного – *исоусовы* а образование на *-ами*, объясняется, как мы полагаем, стремлением к формальному сближению согласующихся имен: коль скоро существительное приобрело флексию *-ми*, распространявшуюся в качестве "общего признака твор. п. мн.ч." [Вайан 1952 : 125–126]⁴, прилагательное тоже получило финаль *-ми*. Но поскольку в именном склонении прилагательных эта финаль имела только у форм жен. рода, закономерно, что источником инновационного окончания послужило **ā*-склонение.

Если в старославянском языке проанализированные примеры остались окказиональными⁵, то в древнерусском данное явление оказалось более продуктивным. Нам

³ Форма МП *краицѣхъ* КН 1280, 511б относится скорее не к *femininum* *краица* [СДРЯ. IV : 283], а к *masculinum* *краикъ* (т.е. "краёк").

⁴ С учетом раннего, еще праславянского взаимодействия **o*- и **i*-склонений это окончание логично трактовать как генетически **i*-основное; по-видимому, первоначально оно распространилось на односложные **o*-*masculina*, затем – неодносложные, а потом и на прочие существительные **o*-склонения, включая его мягкий вариант как мужского, так и среднего родов, ср. в Мин.: *грѣхъми* 0123, 332, *цвѣтъми* 51, *ликъми* 344 – *образъми* 373 – *оучениѣми* 027, *оружиими* 061, *страданиями* 0142, *блестаниями* 0161, 432, *сѣдѣаниями* 0162 и др. Прямое заимствование *-ми* в мягкую разновидность **o*-склонения из **i*-основ [Вайан 1952 : 112] представляется маловероятным ввиду того, что унификация этих парадигм (причем только в муж. роде) является процессом относительно поздним. (Отметим, кстати, интересный пример **i*-основной флексии ДП ед.ч. *-ови* в **jo*-нечитим: *самовластиеви* ГБ, 116, XI в.).

⁵ Наличие *-а*-окончаний у прилагательных и причастий, относящихся к **ā*-основным существительным муж. рода (*старѣшинамъ галнѣискамъ* Мр. 6, 21 Мар., Зогр. [Вайан 1952 : 158, 195]; *въ вѣдѣхъ*

известны следующие случаи варьирования родовых флексий у родоизменяемых частей речи, начиная с XI в. (помимо упомянутой формы из УСб, 199г, унаследованной из старославянского протографа): въ повелѣннихъ гѣахъ Изб 1076, 140об; тѣмъ же тѣ вѣнци црѣвьнами оукраси Мин., 016; слава сѣ бжѣствьнами причасти(и) 022; оупѣстрена троуды бжѣствьнами 54; Бжѣствьнами свѣтолитии... просвѣщаемъ 117; ѡ(т)вѣрзлѣ кси пѣрси съгѣбеникмъ [ДП мн.ч.], хѣ, змиквамъ 374–375; словесемъ Х(с)вамъ ПрЛ XIII, 23в – Пеленамъ покланѣющемъ ти сѣ Мин., 085 (правда, -мъ в причастной форме ошибочно, его появление инспирировано предшествующим словом); по бжѣемъ стопамъ 0166; Распростиракомъ моукамъ 491; по правѣдному нѣкимъ винамъ КЕ XII, 37а; поккомъ пѣснѣмъ ЖФСт XII, 145; вѣшемъ тако пролиакомъ прокоужати хотѣше(м) 161об; зорѣмъ вѣсходѣщемъ УСб, 43б; противоудѣводемъ кѣзнѣмъ 43г; дѣховнымъ Хѣомъ водамъ 258б; въ... странахъ паноньстѣхъ 113в⁶ [Носк 1986 : 71–72]; вранамъ летѣщемъ 8а; вѣсѣмъ странамъ пограблѣкомъ 65а; мыслѣмъ ѡ(т)вѣтъ дающемъ СбЯр XIII, 214об; книгѣмъ ѡ(т)верженомъ быти КР 1284, 46в; въ бикѣхъ пѣ(с)хъ ПНЧ 1296, 135. Аналогичные феномены представлены и в текстах XIV в.; "возможно, впрочем, – как справедливо заметил А.А. Шахматов, – что эти образования искусственные, между тем как в живом языке во множественном числе употреблялись в то время только местоименные формы" [Шахматов 1957 : 297], ср.: оу мучнахъ ситохъ трехъ Луцкое евангелие (РГБ, Рум. 112, л. 62) [Соболевский 1884 : 46]; при оустѣ(х) затворенахъ ПНЧ XIV, 154а; на оуглѣхъ горѣща(х) ФСт XIV, 164б – блѣгомъ вѣшемъ свѣдѣтели ГА, 60; грамотамъ оубо всюду распушеномъ ЖВИ XIV–XV, 97а.

Особого анализа заслуживают согласуемые конструкции со словом *двѣрь*, неоднократно упоминаемые исследователями в числе неисконных *о-основных определений при существительных жен. рода, ср. уже в старославянском: двѣремъ затвореномъ Ио. 20, 19 Мар., Асс., Ио. 20, 26 Асс., двѣремъ затвореномъ сжштемъ Супр. 501, 6 [Вайан 1952 : 292]; в русско-церковнославянских текстах: двѣремъ затвореномъ Евангелие XIV в., 199 [Бандуров 1905 : 292]; то же Ев 1339, 6а [Шахматов 1957 : 297]; двѣремъ соушемъ погребенымъ заключеномъ УСб, 23б; дворе(м) монастырьска(м) затвореномъ сушемъ СбЧуд XIV, 59б; престоѣщемъ двѣремъ ГА, 121; дверемъ затворенымъ и завертомъ 257; затвореномъ сушемъ двѣремъ црковнымъ Пр 1383, 73б; затвореномъ ѡ(т) мене двѣремъ КТурКан XII сп. XIV, 220об; затвореномъ оуже суше(м) дворе(м) ЖВИ XIV–XV, 40б; дверемъ вѣсѣ(м) затворенымъ соуше(м) ПКП 140б, 143–144. Относительно высокая частотность данных форм на фоне единичных примеров подобного типа с другими существительными наводит на мысль о том, что преимущественное использование слова *двѣрь* во мн.ч. [Вайан 1952 : 198]⁷ привело к обособлению его плюральной парадигмы и развитию в ней родовой вариативности

нидовахъ Мф. 2, 6 Асс., Сав.; слоугамъ ... жегжштамъ Супр. 13, 26 и др.), представляет не новообразование, а, напротив, глубокую архаику: по мнению И. Добрева, «...слова типа старѣшинна, владыка, слоуга сохранили что-то от значения древнейших собирательных и абстрактных существительных – слоуга употреблялось, скорее всего, в смысле "прислуга", старѣшинна – в смысле "старейшинство", а владыка – в смысле "господство, владычество"; поскольку же "женский род и собирательная множественность в индоевропейском праязыке были одно и то же", "множественные формы существительных типа слоуга и старѣшинна согласуются с прилагательными и, реже, аппозитивно употребленными причастиями (participia conjuncta) женского рода" [Добрев 1982 : 129].

⁶ Вероятно, однако, и иная интерпретация этой формы как обусловленной влиянием местоименного склонения (тѣхъ – паноньстѣхъ).

⁷ Формы ед.ч. неоднократно встречаются, например, в Новгородских служебных минеях, однако исключительно в метафорическом значении: ты бо двѣрь ѡви сѣ, <е>юже мирови бѣ приближи сѣ Мин., 021; двѣрь двѣскаѣ бжѣствьнаѣ 072 и т.п.

(NB параллельное употребление форм *манастирьска(м)* и *затвореномъ* в СбЧуд XIV, 59б), присущей также некоторым pluralia и dualia tantum, ср.: нозѣ шковати двѣими *шковы* ЧудН XII, 74г, въ *шковѣхъ* 75а (*o) – въ *шковахъ* СбЯр XIII, 65, расѣдошася... *шковы* ПрЛ XIII, 79в (*ā); *прозрьливома* очима Мин., 202 – *прозрьливама* (по списку начала XII в.); *оумиленама* очима УСб, 13г – не *схраненома* очима ПНЧ XIV, 36г⁸.

С древнейшего периода в старославянских и восточнославянских памятниках находят отражение и неисконные формы ДП и ТП дв.ч., причем ранее всего подобные примеры отмечаются, как и во мн.ч., в склонении именных прилагательных: кѣ колѣнома їсвама Лк. 5, 8 Зогр., Мар. (но -ома Асс., Остр.), колѣнома їлвама Лк. 22, 30 Зогр. (но -ома Мар.) [Вайан 1952 : 196]; *патриархама* СП, 25; кѣ ногама Врукининома УСб, 131г [Носк 1986 : 73]; неч(с)тама роукама рекъше не оумъвенома ЕвПант XII–XIII, 63в; колѣнома їсовама 71б; оучѣнома Ииновама 75в; по ланитома 101а [Шахматов 1957 : 279, 297]; сѣгрѣшихъ мозгомъ и съставныма *жилома* СбЯр XIII, 149об; рукама ихъ *распростренома* КР 1284, 200в; да два перваа братучада. сѣ двѣма сѣстрѣницема не совокуплетася 335в. Эти образования, фиксируемые, как мы видим, одновременно с инновационными формами мн.ч. прилагательных и существительных, по всей вероятности, обязаны своим возникновением все той же тенденции к устранению родовых различий и отражают тот же начальный этап унификации, что и формы мн.ч., – этап безразличного смешения флексий разных склонений (см. ниже). Правда, уже в конце XIII в., когда dualis как особая категория едва ли был свойствен разговорному узусу, -o-формы дв.ч. должны, очевидно, интерпретироваться как аналогические, искусственные образования en pendant к архаичным формам pluralis *o-склонения; в этом плане особенно симптоматичен параллелизм собственно русских форм с полногласием и исконным -ама и церковнославянских форм с неполногласием и вторичным -ома в одном и том же контексте: между двѣма колодама Стих 1156–1163, 100 об, СкБГ XII, 15б, ЛЛ 1377, 47 – между двѣма кладама Парем 1271, 263об, ПрП XIV–XV (2), 203б, ЛИ ок. 1425, 51г [Шахматов 1957 : 282]; ср. также: по обѣма странама ЛЛ 1377, 72 [Шахматов 1957 : 282] – сторонама (Академический список); двѣма кравома златыма Пал 140б, 79б. В XIV в. отмечен еще целый ряд искусственных написаний с -ома, противоречащих тенденции к закреплению в не-единственном числе окончаний *ā-склонения (ре(ч) *отроковицема* ПрЮр XIV, 188в; сѣ двѣма *отроковицема* 189а; не оумовенома роукама Ев 1339, 53а [Шахматов 1957 : 297]; кѣ ногама ц(с)рвома ГА, 392; кѣ своима *женома* ЛЛ 1377, 49об [Шахматов 1957 : 282]; *пришѣдъши к ногома князю* Пр 1383, 44а; двѣма *доскома* покровень ПрП XIV–XV (2), 120б, и несколько образований на -ама в *o-склонении, отражающих определенную модернизацию устарелых форм дв.ч. (к сѣтыма *мчѣкама* ЛЛ 1377, 98 [Шахматов 1957 : 279]; по сѣсцама же и по ребромъ Пр 1383, 74б; нозѣ шковати двѣма *поутама* СбТр к. XIV, 188об.

От явлений, связанных с взаимодействием различных склонений, не следует, по видимому, отделять взаимозамену флексий твердого и мягкого вариантов *o-склонения, ср.: о *еп(с)нихъ* и ѿ прозвитерѣхъ КР 1284, 25а; *первосѣданыа на торжищѣхъ*. и цѣлованыа на сборищѣхъ ПНЧ XIV, 158а (другие примеры с -ѣхъ в мягкой разновидности см. [Соболевский 1907 : 179–180]). В более общем плане все рассмотренные изменения вполне могут быть сопоставлены и с такими феноменами, как распространение окончаний РП -овъ и -и из *и- и *i-основ в склонение на *o/*jo (*вождевъ*,

⁸ Очевидно, что в морфологическом отношении *i-основной dualis *очи*_ж является иной лексемой, нежели *z-основное *око*_{ср}.

дѣловѣ, пѣнязи, мужи и мн. др., см. [Соболевский 1907 : 173, 176; Шахматов 1957 : 263–265, 272; Иорданиди 1988; 1993]), а также использование в *о-склонении флексий ТП -ми из -ѣми (*и-основы) и -ѣми (*і-основы), типа мужѣми, грѣхѣми [Соболевский 1907 : 176; Шахматов 1957 : 273; Иорданиди 1991 : 50].

Тем самым развитие форм дательного, местного и творительного падежей мн.ч. предстает перед нами не как изолированная, однонаправленная эволюция, а как одно из звеньев начавшегося еще в раннедревнерусский период общего процесса унификации парадигм мн. ч., процесса, который охватил все падежные формы во всех склонениях и первоначально не обнаруживал однозначного предпочтения какому-либо определенному словоизменительному классу. Наблюдающаяся в текстах вариативность типа дѣнь – дѣни – дѣновѣ – дѣневѣ, женамѣ – женомѣ, мѣстомѣ – мѣстамѣ, луги – лугами – лугми, торжищихѣ – торжищѣхѣ – торжищахѣ составляет несомненную параллель хорошо известным вариантным формам ед.ч. и свидетельствует о том, что становление относительно единого плюрального склонения, как и формирование трех склонений singularis, происходило путем взаимодействия и конкуренции самых различных морфологических показателей.

В целом проанализированные факты позволяют сделать два важных вывода.

Во-первых, они с очевидностью указывают на то, что *а-склонение не было единственным источником унификации флексий ДП, МП и ТП мн.ч.: в аналогичной функции могли выступать также окончания других склонений и вариантов склонений (ср.: матигорьцамѣ – старѣишиномѣ – сѣньхѣ – еп(с)нихѣ).

Во-вторых, приведенный материал показывает, что в склонении родоизменяемых слов утрата родовых различий во мн.ч. (и дв.ч.) началась раньше, чем у имен существительных. Данное обстоятельство никоим образом не противоречит общей закономерности, заключающейся в том, что связь "между развитием субстантивных и адъективных форм... имеет однонаправленный отсубстантивный характер..." [Шульга 1988 : 33]: в нашем случае представлен, прежде всего, собственно адъективный процесс, отражающий раннюю стадию распада именного склонения прилагательных и причастий⁹ и непосредственно индуцированный, несомненно, отсутствием родовых различий во мн.ч. и дв.ч. местоимений и местоименных прилагательных (ДП тѣмѣ, добрымѣ женамѣ/плодѣмѣ/гостѣмѣ; тѣма, добрыма женама/плодома/гостѣма). Кроме того, опережающее развитие неисконных флексий у прилагательных может быть поставлено, на наш взгляд, в параллель с другим процессом – закреплением В = Р у прилагательных (геср. причастий) при сохранении старой формы ВП у определяемых ими существительных и местоимений [Крысько 1994б : 133–136], типа: привезоша бо и мрътва смърдѣща УСб, 8а; си змиѣва оубиичю породе ПНЧ XIV, 97в. Форма прилагательного в подобных сочетаниях более чутко реагирует на совершившееся в языке изменение – развитие новой формы ВП одушевленных имен – и синтагматически выражает это грамматическое значение, тогда как существительное, одушевленное "само по себе", сохраняет исконный облик аккузатива. Сходным образом, по-видимому, оформляется процесс утраты родовых различий во мн.ч.: поскольку прилагательные обладают не самостоятельным, дейктическим, а анафорическим родом [Курилович 1962 : 205] и носителем категории рода в атрибутивном словосочетании является существительное, выражение родового различия прилагательными с помощью особой субстантивной флексии становится в принципе избыточным, а их деклинационная отнесенность – нерелевантной. В результате существительное, для которого род является конститутивным признаком, дольше удерживает старое родовое окончание, в то время как прилагательное, индифферентное к роду, с большей легкостью принимает "неправильную", т.е.,

⁹ Ср. замечание П.С. Кузнецова: "Утрата именного склонения прилагательных осуществлялась не во всех падежах одновременно" [Кузнецов 1959 : 161]; считается, что замена окончаний кратких прилагательных местоименными формами началась именно с косвенных падежей мн.ч. (см. [Andersen 1969 : 26]).

собственно говоря, уже внеродовую флексию. Примечательно, что стирание родовых оппозиций в косвенных падежах именных прилагательных наблюдается в письменности не раньше, чем унификация ИП и ВП (ср.: *три друзи, власы женьскы* в текстах XI–XII вв. [Иорданиди, Крысько 1993 : 19]); тем самым подтверждается вывод Г.А. Махароблидзе, согласно которому прилагательные утратили "родовые различия во множественном числе в связи с унификацией... форм именительного и винительного падежей" [Махароблидзе 1959 : 134].

Итак, для периода с XI до второй половины XIV в. мы можем реконструировать следующие явления, связанные с унификацией косвенных падежей мн.ч. Прежде всего отмирание деклинационных различий происходит в парадигме именных прилагательных, которые не имели собственного склонения и рано стали утрачивать словоизменение (XI–XII вв.); затем взаимозамена флексий различных деклинационных типов, связанная с утратой родовых различий, распространяется на склонение существительных, причем особенно активно данный процесс затрагивает формы ДП и, в меньшей степени, МП (XIII–XIV вв.). На протяжении XIV в. развивается процесс обобщения форм ТП по образцу **о*-склонения, приводящий к формированию общеродовой омонимии И–В–ТП (*залѣшняне, стѣны*). В итоге во мн. ч. складывается система, сохранявшаяся во многих русских говорах еще, очевидно, в первой половине XVII в.: ДП – *-ам*, МП – *-ах*, И–В–ТП – *-ы*. Лишь во второй половине XIV в. в некоторых говорах намечается дифференциация ТП и прямых падежей: под влиянием утвердившихся в ДП и МП форм на *-ам* и *-ах* здесь появляется новая флексия *-ами*, т.е. происходит выравнивание косвенных падежей по образцу **а̃*-склонения.

Сам факт заимствования окончаний *-ам*, *-ах*, *-ами* из **а̃*-основ едва ли может теперь подвергаться сомнению: вариативность флексий различных склонений не только во множественном, но и в двойственном числе позволяет с уверенностью утверждать, что первоисточником инноваций было не влияние одних форм парадигмы на другие (в частности, И–ВП ср. рода с флексией *-а* на ДП и МП), а межпарадигмальное взаимодействие. Наличие тенденции к сближению парадигм при вариативности средств этого сближения разительно напоминает нередкое в древнерусских памятниках варьирование новых форм ИП и ВП на *-и*, *-ы*, *-ѣ* [Иорданиди, Крысько 1993 : 24; Соболевский 1907 : 209]. Вначале указанная унификация осуществлялась по отдельным "одноименным" формам, причем наиболее предпочтительные источники унификации в разных падежах различались: критерием здесь служила в первую очередь неизменность консонантного исхода основы, вследствие чего, например, флексия ДП **о*-склонения *-ом* хотя и спорадически, но появлялась в твердом **а̃*-склонении, между тем как локативная флексия *-ѣх* – никогда. Немаловажное значение изначально имело, как можно предположить, наличие флексивно тождественных исходных форм; именно этим объясняется, несомненно, тот факт, что ранее всего, еще в дописьменный период, взаимодействие форм мн.ч. затронуло парадигмы на **о* и **и*, затем – на **jo* и **i* (РП на *-овѣ*, *-ии*, ДП на *-ѣмѣ*, *-ѣмѣ*, ТП на *-ѣми*, *-ѣми*) и лишь позднее охватило склонения на **о* и **а̃*, с одной стороны, и **а̃* и **i* – с другой (ср., например, четкую последовательность в появлении новых форм ТП и МП: *грѣхѣми* раньше, чем *грѣхами*, а на *волѣхѣ* и затем на *волахѣ* – раньше, чем на *полатяхѣ*).

Почему же индуктором унификации стали в итоге именно формы **а̃*-склонения? Отвечая на этот вопрос, кажется уместным вспомнить высказывание И.А. Бодуэна де Куртенэ о том, что "окончания на *-ам*, *-ами*, *-ах* отличались большей силой и получили перевес вследствие общности свойственного им всем гласного *а*, тогда как в мужском и среднем роде здесь царило несогласие и несовпадение..." [Бодуэн де Куртенэ 1903 : 5]. Принципиально важно подчеркнуть, вместе с тем, что источником обобщенных флексий служил не женский род, а двуродовая словоизменяемая парадигма: в процессе утраты родовых оппозиций во мн.ч. выбор того или иного окончания был, как справедливо заметил Х. Андерсен, "совершенно произвольным,

т.е. независимым от каких-либо семантических категорий", причем предпочтение должно было оказываться максимально унифицированной парадигме, поскольку "единство форм служит оптимальным выражением отсутствия семантической дифференциации" [Andersen 1969 : 27]. В этом плане окончания косвенных падежей **ā*-склонения, объединенные неизменным вокалическим показателем ⟨а⟩, составляли прекрасную параллель другим обобщенным парадигмам мн.ч., характеризующимся единым показателем множественности, – прономинальной (с маркерами ⟨ѣ⟩ и ⟨и⟩), адъективной (с маркером ⟨и⟩) и нумеральной (с маркером ⟨о⟩, ср. *трех–трех–тремя*), и унификация генетически **ā*-основных форм в субстантивном склонении завершала перестройку плюральных парадигм в направлении от родо-деклинационных оппозиций к более общему противопоставлению по частям речи [Andersen 1969 : 28, 32].

Знаменательно, однако, что в **i*-склонении, где, как и в основах на **ā*, косвенные падежи характеризовались единством вокалического элемента (⟨о⟩/⟨θ⟩: *костем – костех – костьми*), распространение *-а*-форм началось и завершилось позже, чем в **o*-склонении: первый известный нам пример такого рода датируется XV веком или, по крайней мере, рубежом XIV–XV вв. (на *полатах* Надпись из церкви Федора Стратилата в Новгороде – уточненное чтение А.А. Медынцева [письменное сообщение] (ср. первую публикацию [Медынцева 1968 : 446]). Следовательно, определяющей особенностью первого – условно его можно назвать "древнерусским" – этапа унификации косвенных падежей мн.ч. являлось усвоение системы падежного изоморфизма, присущей **ā*-склонению и предполагающей формальную общность флексий ДП, МП и ТП, существительными **o*-склонения. Полная унификация субстантивных парадигм мн.ч. по образцу **ā*-склонения относится уже к истории отдельных восточнославянских языков.

2. Обобщение древнерусского материала, относящегося к распространению инновационных флексий в ДП, МП и ТП, вносит коррективы в представление об "особой активности" существительных ср. рода в исследуемом процессе [Марков 1974 : 103; Молчанова 1971 : 14]. Взамен 12 примеров с *neutra*, противостоящих в списке А.И. Соболевского 8 формам *masculina* (данные XIII–XIV вв., без учета неверных примеров), мы располагаем сейчас 25 *neutra* на фоне 50 *masculina*, причем в обоих родах новообразования отражаются абсолютно одновременно (ср.: *кгоуптаѡнамъ – безаконѡнамъ* Парем 1271, *лоугами – полѡми* Гр 1383), что, разумеется, ставит под сомнение давний, но сохраняющий до сих пор популярность вывод И.В. Ягича, согласно которому "... первые стали переходить в окончание на *амъ* слова среднего рода" [Ягич 1889 : 116] (ср. [Молчанова 1965 : 13, 14]). Данные славянских языков, которые на первый взгляд подкрепляют это положение [Vondrák 1908], нельзя признать показательными: во-первых, они свидетельствуют о разновременном, независимом друг от друга и, следовательно, лишь типологически сходном развитии новых окончаний, а во-вторых – отнюдь не всегда подтверждают устарелые датировки, приведенные В. Вондраком и как будто указывающие на приоритет *neutra*: так, например, в польском языке ТП на *-ami* встречается у имен ср. рода не "на целое столетие раньше", чем в муж. роде [Vondrák 1908 : 29], а практически в то же время – с XV в. [Grappin 1956 : 124, 187; Иорданиди, Крысько 1995 : 98–99].

Тезис об опережающем развитии *-ам*, *-ах*, *-ами* у *neutra* опирается, как известно, на априорное представление об "обобщении флексивного гласного", наличествующего в И–ВП мн.ч. ср. рода [Марков 1974 : 103; Unbegaun 1935 : 199–200]. Очевидно, однако, что в свете рассмотренных нами примеров свободного варьирования разных падежных окончаний существительные ср. рода в принципе не должны были оказаться в особо предпочтительном положении: их формы подвергались такому же синтагматическому (а не парадигматическому) выравниванию, как и формы мужского и, в меньшей степени, женского рода. Яркие примеры варьирования разных окончаний в од-

ном и том же контексте демонстрируют Евангелия 1339 и 1393 гг., ср.: *любѣть же прежевъзлѣгания на вечерахъ. и прежесъдѣдания на сонмищахъ. цѣлования на торжищицихъ* Ев 1339, 76б – *любѣ(т) прежевъзлежаны на вечерахъ. и прежесъдѣдания на сборищи(х). и цѣлованья на торжища(х)* Ев 1393, 69а. Если бы для усвоения новой флексии достаточно было наличия *-а* в И–ВП, по-видимому, существительные *торжище* в первом случае и *сборище* во втором не сохраняли бы архаичных (и даже гиперархаичных – *-иихъ*) флексий рядом с новообразованиями на *-ахъ*. Тот факт, что идентичные по образованию *пейтга* в одном и том же контексте обнаруживают тенденцию к расподоблению, а не следуют своему "флексивному гласному", происходит, на наш взгляд, из ощущения синтагматической равноценности *-ах*, *-их* и *-иих*, которые выступали в XIV в. в качестве равноправных членов оппозиции, еще не имеющих каких-либо дополнительных аргументов в пользу более последовательного закрепления. Показательны и словосочетания со старыми формами имен существительных и новыми – определяющих их прилагательных, типа *словесемъ Х(с)вамъ* Прл XIII, 23в: казалось бы, наличие номинативно-аккузативного *-а* как постоянного признака субстантивной парадигмы должно было больше благоприятствовать появлению *-а* в косвенных падежах имен существительных, нежели в склонении прилагательных, лишенных собственной парадигмы, – тем не менее ситуация складывается прямо противоположным образом.

Нам трудно согласиться и с тезисом о той якобы "особой роли", которую играли в развитии анализируемого процесса существительные муж. рода со значением лица [Марков 1974 : 102, 104–106] (ср. [Unbegaun 1935 : 202–203]). Не говоря уже о том, что ряд форм, привлекаемых для доказательства этого положения, интерпретирован неверно (*жителѣмъ, люагощонамъ, рижанѣмъ* и др. – см. первую часть настоящей работы), некоторые явления, рассматриваемые В.М. Марковым как индукторы *-а*-экспансии, в действительности хронологически несопоставимы с данным процессом. Так, переосмысление собирательных существительных женского рода на *-а* в качестве форм мн.ч., т.е. "развитие отношений типа *господинъ – господамъ*" [Марков 1974 : 105], датируется временем по крайней мере на столетие более поздним, нежели распространение *-а*-форм в косвенных падежах (см. [Соболевский 1907 : 222]). Еще позже появляются образования *бояра, дворяна* [Иорданиди 1985 : 262–263; Крысько 1994б : 106], которые не только не могли провоцировать образование косвенных падежей на *-ам*, *-ах*, *-ами*, но, напротив, сами возникли (равно как и номинативы с ударным *-а*) в результате влияния этих новых форм на ИП.

Более вероятна взаимосвязь между развитием *-а*-форм в **о*-склонении и древними атематическими образованиями от имен на *-ане*. Хотя подавляющее большинство консонантных форм типа *вавилонѣмъ* представлено либо в текстах XI–XII вв., либо в списках с протографов этого времени, либо в летописных статьях, относящихся к тому же периоду (ср., помимо примеров, приведенных в [Крысько 1994а : 214]: *в Галелиѣхъ* ПрЮр XIV, 76; *Макавѣѣми* ГА, 280 [там же: *Макавѣѣнинъ* 203, [ω(т)]... *Макавѣѣнъ* 212]; *въ Полча(х)* ЛИ ок. 1425, 177, под 1159 г. [Шахматов 1957 : 100]), отдельные факты позволяют предположить, что древнее склонение имен на *-ане*, наряду с несравненно более употребительным новым склонением по образцу **о*-основ, сохранялось в речевом обиходе и в существенно более позднюю эпоху. Так, весьма возможна соответствующая трактовка формы *на [п]елемѣхъ* ГрБ № 162 (перв. пол. XV в.) – если это не чокающее написание инновационной формы *пелемѣхъ*; чрезвычайно важен пример, любезно сообщенный нам А.Н. Шаламовой: жители г. Котельнич в документе 1649 г. именуются *котелничане*, причем МП от этого слова звучит как *на нихъ котелничѣхъ* ДАИ III, 218–219. Коль скоро образования типа *на погощахъ* ГрБ № 526 – *в городищѣхъ* Ст.Р. 10, *егуптѣми* ГБ XIV, 63а –

егуптаны 16г, Поланомъ ЛЛ 1377, 3 – Вавилонамъ 50б¹⁰ сосуществовали в народно-разговорном языке древнерусского периода, инновационные формы типа *егоуптанамъ, бережанамъ, десасцанамъ, дворанамъ* вполне могли бы быть интерпретированы как результат влияния атематических основ. Примечательно, однако, что ни в XIII, ни в XIV веке подобные новообразования ни разу не встречаются рядом с формами консонантного склонения, и лишь в ЛЛ ок. 1425 наблюдаются и те и другие формы – но вряд ли будет правильно объяснять написание *Галичанамъ* 229об vs. *Галичаномъ* 245об и на *горожанахъ* 30б vs. *горожаномъ* 303 воздействием нигде не зафиксированных **галичахъ* или **горожахъ*. Впрочем, если даже указанные архаические формы и влияли на склонение сравнительно узкого круга существительных с суф. -ан-, для большей части новообразований на -ам, -ах, -ами данный фактор никак нельзя считать релевантным: показательно, что из 75 известных нам форм с инновационными флексиями в памятниках XIII–XIV вв. на долю ДП -анамъ (новообразования МП и ТП от слов на -ане не зафиксированы) приходится лишь 12 примеров.

Не отрицая полностью индуцирующей роли личных обозначений, мы не можем не признать, что важным очагом такого влияния являлись **ā-masculina*. Воздействие этих имен наиболее очевидно в тех контекстах, где они находятся рядом с новообразованиями **o-masculina*, ср.: *і се азъ ѡжещу срѣце фараѡново. и слугамъ кго. и кгоуптанамъ всѣмъ* Парем 1271, 9б; *г҃ла старѣишинамъ* жреческимъ. и книжникамъ и *вое(во)дамъ* Ев 1355, 87; *ни твоимъ боѡрамъ. ни твоимъ слугамъ* НГ № 8; *ни боѡрамъ твоимъ. ни слугамъ твоимъ* Там же; *г҃ла старѣишинамъ* жреческимъ. и книжникамъ. и *воеводамъ* Ев 1393, 114а–б. Однако было бы неверно утверждать, что индукция **ā*-склонения осуществлялась лишь через группу личных существительных и только в направлении личных **o-masculina*: единственный в ГА пример с -амъ в **o*-склонении отмечен у неодушевленного существительного, употребленного рядом с **ā-femininum*: *рѣкамъ* и *стоуденцамъ* ГА, 63; ср. также: *зо всіми лѣсы* и *здоубровами* и с *полѣми* и... *з лоугами* Гр 1383 (ю.-р.); в *верпахъ* и *пещерахъ* ЖВИ XIV–XV, 50в. Наши материалы показывают, что имена неодушевленные вообще занимали не столь уж ничтожное место среди новообразований: не говоря уже о словах ср. рода, флексии -ам, -ах, -ами встречаются не только в форме *о г҃лахъ* Ев 1358, 202об, которая упоминается В.М. Марковым в качестве единственного примера подобного типа [Марков 1974 : 102], и не только в формах *стоуденцамъ, верпахъ* и *лоугами*, но и в таких случаях, как: *товаромамъ* ЛЛ 1377, 87об; *городамъ* Нибуров мир 1392 г.; *въ Гремича(х)* ДДГ, 34; *чоронами* ГрБ № 167. Разумеется, в количественном отношении эти употребления значительно уступают личным существительным – но только в форме ДП, для которой основной функцией является выражение лица – субъекта или объекта действия (см. [Степанов 1989 : 198]). В местном и творительном падежах ситуация иная: так, в МП муж. рода на два примера с одушевленными существительными (*ѡ смердахъ* РПрМус сп. XIV, 160б; *въ мрътвѣцахъ* Паракл 1369, 9б) приходятся четыре формы имен неодушевленных, а в ТП двум контекстам с неодушевленными существительными муж. рода противостоят две же формы со значением лица – *велневицами* (Нибуров мир) и *братами* (ПрП XIV–XV (1), 26 г).

Итак, инновационные формы косвенных падежей мн.ч. не обнаруживают каких-либо родовых или семантических предпочтений, не объяснимых с синтаксической точки зрения. По всей видимости, процесс унификации родовых флексий по образцу

¹⁰ Уникальный для смоленских грамот пример *волочамъ* Смол. гр., 28 vs. *волочаномъ* 37 [Марков 1974 : 105] нельзя признать надежным, так как в этом списке (В) договора 1229 г. отмечаются неоднократные пропуски слогов: *това(ра) свогго, въ смоль(нь)сцѣ, передъ (до)брыми судья(ми), се(ре)бра, сво(бо)дѣнь, плати(ти), ла(ти)ньский, лат(ин)ьский*.

**ѣ*-склонения сразу затронул здесь, как и в И-ВП, все **о*-основные существительные.

3. По своей жанровой отнесенности памятники, в которых отмечены новообразования, делятся на церковно-книжные (35 примеров), деловые (грамоты, уставы – 38 примеров) и летопись (ЛЛ 1377 – 2 примера). Наиболее ранние фиксации представлены в виде единичных отклонений именно в церковных текстах, что, на наш взгляд, является важным показателем употребительности этих форм в живой речи: написания, по отдельности допускающие возможность интерпретации их как случайных описок, в своей совокупности создают картину мощного давления разговорного узуса на традиционную морфологическую и орфографическую систему южнославянских по происхождению источников. Особенно симптоматичны в этом плане данные Паремейника 1271 г., который содержит многочисленные исправления, отражающие постоянную борьбу писцов, стремящихся писать по-книжному, с их собственными речевыми навыками; тем знаменательнее сохранение трех форм: *кѣоупѣнамъ*, *безаконѣамъ* и (в приписке) *матигорѣцамъ*, оставленных без исправления, вероятно, в силу того, что *-амъ* не воспринималась книжниками как вопиющее отклонение от нормы – в то время как, например, написание флексий *-омъ* и *-ома* в виде *-ѣмъ* и *-ѣма*, с характерной для бытового письма заменой *о* на *ѣ*, признается ненормативным, вследствие чего *братѣма* исправляется на *братома* 102в, 102г, а *кѣоупѣнѣмъ* – на *кѣоупѣномъ* 200б (установлено по нашей просьбе заведующим Древнерусской группой Отдела рукописей РНБ В.М. Загребиним).

Проникновение инновационных образований в церковно-книжные памятники свидетельствует о том, что в народно-разговорном языке подобные формы возникли несколько раньше. Для хронологизации данного явления большое значение имеет первая часть Синодального списка Новгородской I летописи, завершающаяся записью 1234 года и написанная, по-видимому, во второй половине XIII в. (консультация А.А. Гиппиуса); в этом источнике новообразования мн.ч. **о*-склонения полностью отсутствуют (см. [Dietze 1977: 277–278, 291, 295, 299]). Характерно также устойчивое сохранение исконных форм в смоленских грамотах XIII в. В то же время показания новгородских пергаменных грамот конца XIII – начала XIV в. нельзя считать вполне репрезентативными, так как, являясь в основном записями княжеских договоров, они весьма устойчиво и последовательно воспроизводят формуляр своих образцов более раннего периода. Так, например, обороты типа *держати своими моужѣ*, *държати моужѣ новгородьскими*, *богаромъ твоимъ*, *двораномъ твоимъ*, *при нашихъ послѣхъ* с некоторыми вариациями, не затрагивающими флексий, включаются в состав НГ №№ 1, 2, 3, 6, 7, 9, 10, 15, которые датируются значительным временным отрезком – 1264–1327 гг. Однако при первой же фиксации дативной формы, не имеющей прототипа в более древних документах, – *даръ кмати по постотаниамъ* НГ № 10 (1305–1307 гг.) – мы наблюдаем использование инновационного окончания. Тем самым правомерно будет заключить, что во второй половине XIII – начале XIV в. формы на *-ам* и *-ах* являлись достоянием устной речи, в принципе не допускавшимся в официальные тексты. Вместе с тем формы на *церевахъ* ГрБ № 349 (1268–1281 гг.) и *камнецамо* ГрБ № 286 (1313–1369 гг.), подкрепляющие данные книжных текстов, позволяют утверждать, что в описываемую эпоху употребление *-ам*, *-ах* либо *-ом*, *-ѣх* уже являлось одним из дифференциальных признаков, разграничивавших диалектную речь древнего Новгорода и нормализованный (книжно-письменный) язык в обеих его ипостасях – церковнославянской и "стандартной древнерусской".

Ко второй половине XIV в. противоречие между народно-разговорной речью и официально-деловым языком Новгорода в данном аспекте было устранено: после полувекового разрыва, отделяющего позднейшую дошедшую до нас пергаменную грамоту первой половины столетия – НГ № 15 – от следующего сохранившегося документа – НГ № 8 (1371 г.), известные формулы договора с князем уже характеризуют-

ся использованием флексии *-ам*: твоимъ *боѡрамъ*, *боѡрамъ* твоимъ, *дворѡнамъ* твоимъ (дважды).

В целом же среди 51 примера с ДП на *-ам* в источниках XIII–XIV вв. 44 приходятся на новгородские и псковские тексты. Иначе обстоит дело с МП и ТП: из 18 локативных новообразований лишь семь отмечены в памятниках Северо-Западной Руси, а из шести статистически малоинформативных форм ТП на *-ами* четыре наблюдаются в источниках неновгородского происхождения. Приведенные факты можно было бы расценить как доказательство того, что новообразования ДП развивались в Новгороде гораздо активнее, нежели формы на *-ах* и *-ами*, и что в прочих диалектах усвоение новых окончаний протекало намного медленнее, чем в диалекте древнего Новгорода. Однако если первый вывод трудно оспорить, то второй нельзя не признать односторонним. В действительности, как мы полагаем, древнерусская письменность не дает твердых оснований для утверждений о том, что, например, в московском говоре унификация форм косвенных падежей происходила несколькими десятилетиями или столетием позже, нежели в говорах северо-западных [Молчанова 1965 : 12]. Известно, что самый первый дошедший до нас московский памятник – это Сийское евангелие 1339 г.; между тем в этом евангелии новообразования зафиксированы уже дважды (*на соборищахъ*, *на сонмищахъ*). Следовательно, можно с большой долей уверенности предположить, что ко второй трети XIV в. инновационные флексии были достаточно обычными для московского говора. Правда, московские грамоты XIV в. совершенно не содержат новых окончаний [Маценко 1961 : 72; Иорданиди 1989 : 237], но этот факт следует, очевидно, отнести на счет значительной традиционности языка великокняжеских документов, нарушенной только один раз – в форме *въ Гремича(х)* – от существительного, которое, как местный топоним, просто не могло обладать орфографически закрепленной и освященной традицией парадигмой.

Что касается других областей Северной Руси, то для конца XIII – первой половины XIV в. употребление инновационных форм может быть доказано лишь в отношении тверского диалекта: новообразования *стоуденцамъ*, *надрахъ* (Троицкий список ГА) и *новгородцамо* (тверская берестяная грамота № 2) отражают достаточно продвинутый этап унификации – этап проникновения инновации в письменность. Для северо-восточных говоров, помимо московского, мы, к сожалению, не располагаем соответствующими сведениями и не имеем возможности делать какие бы то ни было выводы о распространении новых форм. Однако во второй половине XIV в. инновации наблюдаются в памятниках не только московского (Ев 1358 – *о глѡхъ*, Ев 1393 – *книжникамъ*, *на торжища(х)*, Троицкий Паремейник № 4 – *требищамъ*), но и ростово-суздальского происхождения (перемышльское Ев 1354 – *на распутьѡхъ*, суздальская ЛЛ 1377 – *лица(х)*, *товаровамъ*). Тем самым можно констатировать, что северо-восточные говоры, хотя и не засвидетельствованные столь информативными источниками, как берестяные грамоты, все же едва ли существенно отставали от новгородского диалекта в усвоении новообразований.

Другое дело, что окончательное утверждение инновационных форм в северо-восточной актовой письменности охватывает более длительный период, чем на северо-западе. Несомненно, в частности, что московские деловые тексты XV–XVI вв. фиксируют вытеснение старых флексий в несравненно меньшей степени, нежели новгородские документы. Так, например, "Книга ключей и денежных оброков" Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. демонстрирует весьма последовательное использование датива на *-ом*, хотя вывод В.М. Маркова о "неизменном сохранении" старого окончания [Марков 1974 : 112] является преувеличенным. Во-первых, существительные, характеризующиеся, по мнению исследователя, конечным ударением, изредка предоставляют примеры флексии *-ам*, ср.: *истобникам* Кн. ключей, л. 39, *мастерам* 40 (заметим, кстати, что форма *мостером*, как будто указывающая на флексийное ударение, представлена не на л. 61об, где имеется *мастером*, а на

л. 90об); ср. также *воловикам* 106, 123 vs. *-ом* 135об; во-вторых, отражение аканья в корне отнюдь не обязательно служит доказательством нафлексивного ударения: так, словно *истобник* (не смешивать с *истопник*!), производное от *истѣба* (ср.: *Истобнику* в портнью издѣбу 24), вполне могло иметь ударение и на первом слоге; если в написании *такарем* 175 vs. *токарем* 135 предполагается ударение на окончании, то формы *такорю* 18об, *обрак* вместо *оброк* 46об, *рыболавем* 111 vs. *рыболовем* 178 заставляют более настороженно относиться к смешению *а* и *о*; в-третьих, положение о том, что "... собственно орфографическая интерпретация устойчивых архаических флексий... должна быть решительно отведена" [Марков 1974 : 113], само по себе кажется нам излишне решительным: все-таки фреквенция книжных окончаний не должна интерпретироваться как бесспорное свидетельство их существования в живой речи – иначе нам пришлось бы декларировать наличие в московском говоре адъективной флексии РП *-аго*, ср.: *седьмаго* 25, 28, *осмаго* 33, 41, *святаго* 33, 90об, *славнаго* (bis) 33, *осьмаго* 43, *шездесятаго* 76, *перваго* 96, 111, *вьтораго* 100а, *втораго* 103, 104, 109об, 111 (ter), *третьаго* 116об и т.д. Если пишущие были в состоянии усвоить правило написания этого окончания, для них, по-видимому, не составляло особого труда затвердить и орфографическую норму передачи флексии *-омъ*; иными словами, они писали отнюдь не "без определенных грамматических правил" (Кн. ключей, 11). Показательно, что в явно безударной позиции, когда, кажется, естественным было бы написание *-ам* в соответствии с акающим произношением, писцы весьма последовательно пишут *-ом*: *дворником*, *чюлочником*, *плотником*, *посошником*, *крестечником* и т.п. Следовательно, у нас нет оснований считать, что написания *дворникам* 6, *по селам* 20об, *на сараях* 38об, *детям* 61, *рабятam* 61об, *рыболовам* 122, *воротам* 176 непременно отражают аканье; напротив, мы полагаем, что именно немногочисленные формы с *-а-*, в отличие от орфографически закрепленных форм с *-о-*, обличают реальное состояние морфологической системы московского диалекта на описываемом участке.

Слабым аргументом в пользу длительного употребления старых флексий мн.ч. в северо-восточных говорах служат, на наш взгляд, и данные акцентуированных церковнославянских рукописей (ср. [Зализняк 1985 : 279]). Ориентируясь в своей морфологии на церковнославянские парадигмы, эти тексты, возможно, и отражали реальные изменения ударения – что, однако, вовсе не означает столь же послушного следования живому языку в передаче грамматических форм. Симптоматично, что в современном русском языке реликтами архаичных флексий являются только форма *поделом* – по всей вероятности, церковнославянская [Буслаев 1959 : 220], хотя и отражающая позднюю перетяжку ударения на флексию, а также фольклорные примеры типа *по темным лесом*, "сохранившиеся благодаря традиционности песенного языка" [Обнорский 1931 : 305].

Картину, принципиально отличающуюся от севернорусского состояния, демонстрируют памятники южного и западного происхождения. В галицко-волинских текстах конца XIII – начала XIV в., описанных А.И. Соболевским [Соболевский 1884 : 20–39], новые формы косвенных падежей не отмечены ни разу. Основная инновация в области именной флексии, присущая многим южным и западным рукописям, – распространение в МП мн.ч. окончания *-ох* (*жидохъ* Галицкое евангелие 1266–1301 гг., 17об, *самарянохъ* Холмское евангелие, 16об, *жидохъ* Поликарпово евангелие 1307 г., 15об [Соболевский 1884 : 26, 29, 39]; *на земланохъ*, *на ланохъ* Пещак, № 38 и др. [Шахматов 1957 : 269; Иорданиди 1990: 144–145; Історія 1978: 110; Мова 1988 : 79]), которое отчасти, возможно, восходит к окончанию **и-*склонения *-ѣхъ* (ср. западноукраинские формы типа *на возох*, где [о] < [ѣ] не переходит в [і], см. [Історія 1978 : 111]), но в ряде случаев, с учетом позднейших украинских примеров типа *телятихъ*, *гостюхъ* [Соболевский 1884 : 115], должно, скорее всего, интерпретироваться как результат типологически общего для большинства славянских языков

(едва ли праславянского) процесса – сближения окончаний косвенных падежей мн.ч. **о*-склонения по образцу форм, включающих элемент *-о-*: ИП *-ове*, РП *-ов*, ДП *-ом* (ср. [Orzechowska 1966 : 49–50; Мирочник 1973]). Таким образом, западные и южные восточнославянские говоры эволюционировали в XIII–XIV вв. по пути, резко отличному от направления, принятого диалектами северными: они унифицировали формы **о*-склонения не синтагматически (межпарадигмально), а парадигматически. Отсутствие *-а*-форм в ДП, МП и ТП на территории Литовской Руси исследуемого периода с очевидностью следует из обширного материала старобелорусских (Полоцк. гр.) и староукраинских (Пещак) грамот: в окружении многочисленных написаний, передающих живую диалектную речь, десятки примеров на *-ом*, *-ех* и *-ы* едва ли могут быть истолкованы как дань традиции. О том, что эти флексии не просто сохранялись в говорах, но и подвергались фонетическим преобразованиям (которые были бы крайне проблематичны для архаизмов), свидетельствуют такие формы, как *оунукумъ* Пещак, № 16, *глинарюмъ* 38, *дворищюмъ* 51, отражающие известное украинское изменение [δ]; примечательны также локативные флексии *-ех/-их* в обозначениях местных топонимов: *оу Тѣшковичехъ*, *оу Новосѣльце(х)*, *оу Тѣшковичи(х)* 51, *оу Бышковичихъ* 53.

Указанная особенность побуждает нас заключить, что процесс унификации **о*- и **а*-склонений в косвенных падежах мн.ч., в отличие от существенно более раннего объединения ИП и ВП и развития В = Р у имен одушевленных, не носил общедревнерусского характера, но представлял собой изначально собственно великорусское явление. В южных и западных восточнославянских диалектах, образовавших соответственно староукраинский и старобелорусский языки, утрата родовых различий в ДП, МП и ТП началась – по всей видимости, независимо от русских говоров – не ранее конца XIV в., однако здесь она протекала в качественно иных условиях, нежели в великорусских диалектах конца XIII – начала XIV в. (ср. [Andersen 1969 : 32]). Если в памятниках Северной Руси влияние **а*-склонения лишь постепенно охватывало формы ДП, МП и ТП, отличавшиеся друг от друга как начальными гласными флексий, так и конечными согласными основ, то в юго-западных говорах в XIV в. уже сложилась весьма унифицированная парадигма **о*-склонения: ИП *-ове* – РП *-ов* – ДП *-ом* – ТП *-ми* – МП *-ох* (ср.: *панове* – *пановъ* – *паномъ* – *панми* – *панохъ* [Иорданиди 1981 : 172; 1988 : 252; 1989 : 239; 1990 : 144–145; 1991 : 52]). Поскольку формы ДП, МП и ТП в этой парадигме были объединены общим вокалическим элементом (в чередовании [о]/[ø]), неудивительно, что завершающий этап становления внеродового склонения во мн.ч. – унификация форм женского, мужского и среднего родов – затронул здесь все три падежа одновременно, вследствие чего в старобелорусских и староукраинских памятниках XV в. мы наблюдаем и ТП *крилами* [Мова 1988 : 94], *законами* [Історія 1978 : 109], и МП *в островах* [Мова 1988 : 79], *урочищах* [Orzechowska 1966 : 45]¹¹, и ДП *немцам* (Полоцк. гр., № 35, 1405 г.), *къ законамъ* [Історія 1978 : 107]. Нельзя, однако, не признать, что распространение *-а*-форм мн.ч. на белорусской и украинской территории в целом выходит за рамки традиционного древнерусского периода, между тем как в великорусских говорах – по крайней мере, на Северо-Западе – единая внеродовая парадигма мн.ч. **а*- и **о*-склонений с И–ВП на *-ы/-ѣ*, ДП на *-ам*, МП на *-ах* и, в меньшей степени, ТП на *-ами* к концу XIV в. уже в основном сформировалась.

¹¹ К сожалению, все староукраинские примеры МП на *-ах*, приведенные в книге [Історія 1978 : 111], представлены не в оригинальных текстах, а в списках XVI–XVII вв.

ИСТОЧНИКИ (дополнения)

ГБ – Будилович А. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи имп. Публичной библиотеки XI века. СПб., 1875.

Кн. ключей – Книга ключей и денежных оброков // Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. М.; Л., 1948.

Ст. Р. – Старая Русса. Грамоты 1–13 // Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978. С. 143–153.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бандуров Б. 1905 – Евангелие-апракос XIV века И. Публ. библиотеки (F. п. I. 9) как памятник др.-русского языка // РФВ. 1905. Т. 43, № 2.
- Бодуэн де Куртене И.А. 1903 – Лингвистические заметки и афоризмы // ЖМНП. 1903. Май.
- Буслаев Ф.И. 1959 – Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Вайан А. 1952 – Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Дыбо А.В. 1988 – Деклинационные различия новгородских диалектов XIII–XIV вв. и их локализация // Балто-славянские исследования, 1986. М., 1988.
- Зализняк А.А. 1985 – От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Иорданиди С.И. 1981 – К истории функционирования флексии именительного множественного -ов'е в восточнославянских языках // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования, 1979. М., 1981.
- Иорданиди С.И. 1988 – Из истории форм родительного падежа множественного числа имен существительных в русском языке. I // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования, 1984. М., 1988.
- Иорданиди С.И. 1989 – Унификация форм дательного, местного и творительного падежей множественного числа существительных в истории восточнославянских языков. I // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования, 1985–1987. М., 1989.
- Иорданиди С.И. 1990 – Из истории форм местного падежа множественного числа существительных в русском языке // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. М., 1990.
- Иорданиди С.И. 1991 – Из истории форм творительного падежа множественного числа в русском языке // Славянская филология: Имя и глагол в исторической перспективе. Рига, 1991. (Науч. тр. Латв. ун-та. Т. 558).
- Иорданиди С.И. 1993 – Из истории форм родительного падежа множественного числа имен существительных в русском языке. II // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования, 1988–1990. М., 1993.
- Иорданиди С.И., Крысько В.Б. 1993 – Формирование внеподовой именной парадигмы множественного числа в древнерусском языке. I // ИАН СЛЯ. 1993. № 6.
- Иорданиди С.И., Крысько В.Б. 1995 – Формирование внеподовой именной парадигмы множественного числа в истории русского и польского языков // Kontakty językowe polsko-wschodniosłowiańskie. Rzeszów, 1995.
- Крысько В.Б. 1994а – Двадцать лет спустя (к переизданию книги В.М. Маркова) // R Ling. 1994. V. 18, № 2.
- Крысько В.Б. 1994б – Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
- Кузнецов П.С. 1959 – Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Курилович Е. 1962 – К вопросу о генезисе грамматического рода // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Лавров П.А. 1893 – Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893.
- Марков В.М. 1974 – Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.
- Махароблидзе Г.А. 1959 – К вопросу об окончаниях -ам, -ами, -ах // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1959. XII.
- Маценко И.В. 1961 – К вопросу о грамматической индукции в дательном падеже множественного числа имен существительных мужского рода // Дослідження з літературознавства та мовознавства. Ч. II. Київ, 1961.
- Медынцева А.А. 1968 – Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде // Славяне и Русь. М., 1968.
- Мирочник Е.Ш. 1973 – Из истории форм -й (-ь) и -о основ в древнерусском языке // Научн. тр. Ташкент. ун-та. 1973. Вып. 449.
- Молчанова Н.Ф. 1965 – Унификация форм имен существительных в дательном, местном и творительном падежах множественного числа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.

- Молчанова Н.Ф. 1969а – О времени и закономерностях распространения флексий *-им* и *-ах* в формах существительных среднего рода // Вопросы истории и теории русского языка. Вып. 2. Калуга, 1969.
- Молчанова Н.Ф. 1969б – О роли статистического метода при определении закономерностей развития морфологического процесса в народном-разговорном языке по письменным памятникам // Вопросы истории и теории русского языка. Вып. 2. Калуга, 1969.
- Молчанова Н.Ф. 1971 – К вопросу об изучении истории морфологических процессов древнерусского языка в локальном аспекте // Вопросы истории и теории русского языка. Вып. 4. Калуга, 1971.
- Обнорский С.П. 1931 – Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. Множественное число. Л., 1931.
- Соболевский А.И. 1884 – Очерки из истории русского языка. Киев, 1884.
- Соболевский А.И. 1907 – Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Степанов Ю.С. 1989 – Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Успенский Б.А. 1988 – История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Budapest, 1988.
- Шахматов А.А. 1957 – Историческая морфология русского языка. М., 1957.
- Шепелева Р.Д. 1972 – История флексий дательного, творительного и местного падежей множественного числа имен существительных (по материалам письменности XI–XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
- Шульга М.В. 1988 – Развитие морфологической системы имени в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988.
- Ягич И.В. 1889 – Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. 1986 – Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. 1993 – Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- Добрев И. 1982 – Старобългарска граматика: Теория на основите. София, 1982.
- Історія 1978 – Історія української мови: Морфологія. Київ, 1978.
- Мова 1988 – Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст. Мінск, 1988.
- Andersen H. 1969 – The peripheral plural desinences in East Slavic // International journal of Slavic linguistics and poetics. 1969. V. XII.
- Diels P. 1932 – Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg, 1932.
- Dietze J. 1977 – Frequenzwörterbuch zur Synodalhandschrift der Ersten Novgoroder Chronik. Halle (Saale), 1977.
- Grappin H. 1956 – Histoire de la formation du nom en polonais. Wrocław, 1956.
- Hock W. 1986 – Das Nominalsystem im Uspenskij Sbornik. München, 1986.
- Orzechowska H. 1966 – Locativus pluralis na **-охъ* w językach słowiańskich // RS. 1966. T. XXVI, cz. 1.
- Vondrák W. 1908 – Vergleichende slavische Grammatik. Bd II. Formenlehre und Syntax. Göttingen, 1908.